

Проводив Ци Цзяня, Лю И вместе с родителями вернулся в главную залу. То, что ему разрешили остаться дома на ночь, стало полной неожиданностью — словно судьба преподнесла неожиданный подарок. Но не успел он по-настоящему обрадоваться, как заговорила госпожа Лю.

— И-эр, матушка раньше горько ошибалась, — госпожа Лю ласково взяла мужа под руку и посмотрела на сына. На душе у неё наконец стало легко, точно гора с мятежных плеч свалилась.

Ещё вчера ей до боли в сердце было жаль сына, которому пришлось пойти под венец на правах супруги, но теперь от этих тревог не осталось и следа. Да и как тут сомневаться, когда всё и так очевидно? Ци Цзянь — наследный принц Ци, а преклонил перед ними колени, совершив торжественный обряд трех коленопреклонений и девяти земных поклонов. Подобный свадебный ритуал — редчайшее почтение. Обычно к нему прибегали лишь тогда, когда семьи были совершенно не равны по положению, и жених из более скромного рода стремился доказать искренность своих намерений. Раз Ци Цзянь решился на столь уничижительный для его высокого статуса шаг, значит, И-эр действительно бесконечно дорог ему.

— О чём же ты думала неправильно? — не дождавшись продолжения, полюбопытствовал Лю И.

— Цинъюй — действительно достойный человек, — с улыбкой ответила госпожа Лю и ласково потрепала сына по макушке. — Он очень хорошо к тебе относится.

Лю И неопределённо кивнул, а про себя подумал: "Это вы ещё не видели, с какой свирепостью он вгрызается мне в шею".

Впрочем, одной лишь заботы со стороны зятя госпоже Лю было бы мало для спокойствия. Своего ребёнка она знала как никто другой: будь Лю И равнодушен, любые старания Ци Цзяня оказались бы тщетны. Однако её мальчик явно питал к супругу ответные чувства. Вспомнив, как во время поклонов И-эр взволнованно и с явной жалостью смотрел на принца, госпожа Лю тихонько усмехнулась.

— Матушка, и чему ты улыбаешься? — недоуменно спросил Лю И.

— Наследный принц, как быть с лекарством? — нерешительно спросил Сяосы, держа в руках дымящуюся пиалу.

— Давай сюда, — коротко бросил Ци Цзянь. Он взял чашу и осушил её одним махом.

Сяосы стоял у постели, хмурясь и с трудом сдерживая вздох сочувствия.

Возвратив пустую пиалу, Ци Цзянь откинулся на мягкие подушки и махнул слуге рукой:

— Ступай. И разбуди меня завтра вовремя.

Должно быть, из-за снадобья ночь выдалась тяжёлой. Ци Цзянь спал беспокойно, несколько раз просыпался от удушливого кашля, а когда под утро забылся зыбким сном, его сознание захлестнула череда сменяющих друг друга сновидений.

"Будешь пирог с османтусом?" — Лю И протягивал ему угощение на ладонях, точно величайшее сокровище.

В этом сонном мареве он выглядел точь-в-точь как пять лет назад: мягкие, по-юношески округлые щёки делали его лицо невероятно милым, а круглые глаза сияли первозданной чистотой. Весь его облик напоминал весенний ручей — чистый, журчащий, залитый солнцем.

Ци Цзянь во все глаза смотрел на юношу, силясь навечно запечатлеть в памяти каждое его движение.

"Ну попробуй же, очень вкусно!" — юный Лю И со смехом подбежал ближе.

"Нельзя уходить. Я не должен бежать", — кричало всё существо Ци Цзяня, но ноги его не слушались. Неведомая сила упрямо влекла его назад, отдаляя от Лю И.

"А? Не любишь османтусовые пироги?" — на хорошеньком лице Лю И отразилось разочарование. Он в несколько укусов уничтожил лакомство, отбросил промасленную бумагу и, схватив Ци Цзяня за руку, потащил к следующей лавке.

"Вот видишь, он расстроился", — мысленно вздохнул Ци Цзянь, послушно переставляя ноги вслед за ним. Это воспоминание врезалось в память слишком глубоко. Тот самый день, когда Лю И впервые позвал его прогуляться по ярмарке — сцена, которая преследовала его во снах последние пять лет.

"А каштановые пирожные?" — Лю И уже остановился у следующего прилавка и с улыбкой обернулся к другу.

Там продавали аккуратно нарезанную каштановую помадку приятного золотисто-коричневого цвета, от которой исходил тонкий сладкий аромат. Ци Цзянь знал, что нужно согласиться, но во сне его голова вновь упрямо мотнулась из стороны в сторону.

"Тогда... как насчёт лепёшек с полыньёю?" — не унимался Лю И.

Ци Цзянь снова покачал головой.

"Может, булочки с заварным кремом?" — в голосе Лю И проскользнули нотки досады.

И опять Ци Цзянь смог лишь отказаться.

"Да что ж такое! Ни то тебе не мило, ни это! — Лю И удивлённо хлопнул ресницами. — Ты что, вообще не ешь сладкого?"

"Нет, ем! Пусть и не люблю, но ради тебя съем всё, что пожелаешь!" — безмолвно кричал Ци Цзянь, но его губы словно онемели.

"Привередливый какой, не угодишь тебе, — Лю И недовольно надул губы. — Вечно ты корчишь из себя умудрённого опытом старца. Терпеть не могу тех, кто не ест сладкое".

Хотя на самом деле Лю И тогда выразился совсем иначе, в груди Ци Цзяня всё равно защемило от боли. Он знал, что последует дальше. Этот кошмар повторялся слишком часто.

"Развлекайся тут сам, а я пошёл!" — Лю И развернулся и зашагал прочь.

"Нет! Пстой! Не уходи!"

Сделав нечеловеческое усилие, Ци Цзянь заставил себя закричать:

— Погоди...

Лю И остановился, обернулся и мягко, ласково улыбнулся ему.

Но не успел Ци Цзянь взглянуться в эту улыбку, как видение растаяло. Сон перенёс его в усадьбу Ци. Весь дом тонул в белом траурном шёлке, и лишь развёрнутый на столе императорский указ слепил глаза своей неуместной, зловещей позолотой.

"В битве с северными ди князь Ци проявил опасное безрассудство и неоправданную жажду славы. Однако, памятуя о его былых заслугах перед престолом, Его Величество являет величайшую милость: официально будет объявлено, что князь пал смертью храбрых на поле боя. Наследному принцу надлежит немедленно принять титул".

"Слыхали? Роду Ци пришёл конец".

"Да уж, мальчишка ещё совсем зелёный, разве он удержит власть? Туда им и дорога. Прежний князь столько дров наломал, вот кара и настигла".

"А вы как думаете, есть во всём этом скрытый умысел?"

"Раз из дворца велели помалкивать, значит, никакого умысла нет".

"Но ведь в последние годы дома Ци и Лю были близки. Случилась такая беда, а Лю Ючэнь даже не появился. Как так?"

"А ты не знал? Семейство Лю ещё вчера покинуло столицу. Император отправил их охранять границы".

"Даже если и на границу, неужто нельзя было повременить день-другой? К чему такая спешка среди ночи?"

"Кто знает... Может, почуяли, откуда ветер дует, да и сбежали поскорее".

Во сне Ци Цзянь судорожно нахмурился, а в следующий миг распахнул глаза. С трудом приподнявшись на локте, он свесился с края постели и зашёлся в глухом, раздирающем грудь кашле.

Накануне Лю И допоздна проболтал с сестрой, а ночью его тоже терзали путанные обрывки воспоминаний о былых временах. Когда он наконец открыл глаза, солнце стояло уже высоко.

Заметив, что молодой господин проснулся, в комнату робко заглянул слуга, собираясь помочь с утренним туалетом.

— Дядя управляющий, сходи... — начал было Лю И, но осёкся на полуслове.

— Молодой господин, я не управляющий, — испуганно пролепетал слуга, украдкой поглядывая на хозяина.

— Да, прости, спросонья перепутал, — с грустной улыбкой отозвался Лю И.

И правда, откуда здесь взяться дяде управляющему? Старик погиб ещё пять лет назад — в ту самую кошмарную ночь, когда усадьбу Лю настиг указ об изгнании на границу.

Наскоро позавтракав, Лю И решил навестить матушку. В её покоях он застал и младшую сестру. Немного поболтав о пустяках, Лю И перевёл разговор на главное:

— Сяо Юэ уже взрослая барышня. Пора бы подумать о её замужестве.

— Брат! — вспыхнув до кончиков ушей, с укором воскликнула Лю Юэ.

Госпожа Лю согласно закивала:

— И то верно. Пора. И-эр, у тебя есть кто на примете?

— По мне, так парень из семьи Ши подходит идеально, — заговорщически подмигнул Лю И. — Мы знаем его с пелёнок, да и с нашей Сяо Юэ они с детства не разлей вода.

Об их чувствах в семье догадывались все, но прежде не спешили — считали, что Лю Юэ ещё слишком юна. Кто же знал, что Император внезапно решит разыграть её как фигуру в своей политической игре? Если бы не своевременное вмешательство Ци Цзяня, союзу сестры с Ши Лэем пришёл бы конец. Чтобы избежать новых капризов судьбы, Лю И твёрдо решил уладить этот вопрос прямо во время своего визита в родительский дом.

Слыша, как открыто обсуждают её будущее, Лю Юэ смущённо опустила глаза:

— Братец, вечно ты небылицы сочиняешь.

— Небылицы, говоришь? — Лю И с притворной грустью вздохнул, протянув: — Ну, раз так, то и говорить не о чем. Забудем. Раз уж Сяо Юэ совсем этого не хочется...

Девочка резко вскинула голову, готовая возразить.

— Какой же ты ещё ребёнок, всё бы тебе над сестрой подшучивать, — покачала головой госпожа Лю, жуя сына. — Лучше о себе подумай. Раз уж ты связал себя узами брака, со всеми прежними увлечениями пора покончить.

— С кем покончить? — Лю И опешил. — Матушка, помилуй, какие ещё увлечения? Откуда им взяться?

Госпожа Лю мягко рассмеялась:

— И прячет ведь до последнего! Неужто так быстро позабыл ту знатную барышню, в которую влюбился с первого взгляда?

"Какая ещё барышня? Какая любовь с первого взгляда?!" Лю И только растерянно хлопал глазами, не зная, что ответить на эту нелепицу.

— Сынок, я знаю, что ты у меня парень неглупый, — продолжала госпожа Лю с наставительным видом. — Но в делах сердечных влюблённые часто слепы.

— Погоди, матушка, дай я объясню...

Но мать мягко прервала его:

— И-эр, вчера я видела, как Цинъюй относится к тебе. Он прекрасный юноша, и ты ни в коем случае не должен разбить ему сердце.

Сюжет принимал совершенно безумный оборот. Лю И беспомощно развёл руками, пытаясь вернуть разговор в русло здравого смысла:

— Да мы с ним просто старые приятели по Императорской академии, не более того!

— Неужели ты всё ещё тоскуешь по той прелестнице? — Госпожа Лю прищурилась, уверенная, что отыскала корень проблемы.

Барышня из благородной семьи, ладная да белокожая — это, конечно, чудесно. Но ведь и наследный принц Ци ничуть ей не уступает! Немного ласки, толковый совет — и сын обязательно забудет свою прежнюю страсть.

Приняв решение, госпожа Лю заговорила с глубокой убеждённостью:

— Вчера я хорошенько его разглядела. Цинъюй невероятно хорош собой.

Лю И лишился дара речи.

— Уж поверь материнскому слову: будь он рождён девицей, твоя хваленая барышня и в подмётки бы ему не годилась!

"Да не было никакой барышни!" — мысленно взмолился Лю И, едва не плача от бессилия. Но стоило ему представить лицо Ци Цзяня, если бы тот узнал, что его сравнивают с неведомой девицей, как по спине пробежал холодок.

Пять лет назад, когда Ци Цзянь злился, он обычно просто упрямо молчал. Но теперь, после разлуки, от него можно было ожидать чего угодно. Лю И мысленно вздохнул, представив, как над его головой сгущаются тучи размером с пивной чан.

Тем временем госпожа Лю продолжала рассуждать:

— Помнится, в юности Цинъюй всегда предпочитал белые одежды?

— Ну да, — кивнул Лю И, не понимая, к чему клонит мать.

— Вот видишь! И лицом он статен, кожа бела, а очи ясны, как у сказочной девы.

Лю И опешил, а затем не выдержал и покатился со смеху:

— Матушка, ну что за вздор! Разве приличные люди подбирают такие слова для описания мужчины?

— Не умничай, — отмахнулась госпожа Лю. — Лучше ответь честно: разве эти слова к нему не подходят?

Лю И на секунду задумался, мысленно возвращаясь в прошлое, и вынужден был признать её правоту.

Пять лет назад Ци Цзянь ещё не успел вытянуться и даже уступал ему в росте. Лицо у него тогда было нежным и гладким, точно очищенное куриное яйцо. Тонкий разрез глаз с изящно приподнятыми уголками, влажный блеск тёмных зрачков... Что греха таить, он действительно казался писанным красавцем с фарфоровой кожей.

— Ну же, скажи, разве я не права? — настаивала мать.

Лю И со вздохом кивнул.

Торжествующе улыбнувшись, госпожа Лю перешла к следующему аргументу:

— Вот! К тому же Цинъюй — наследный принц Ци, его происхождение безупречно.

С этим трудно было поспорить, но Лю И всё ещё не улавливал связи.

— Полагаю, его знатность затмит любую столичную барышню, по которой ты сохнешь.

— Пощади, матушка! — взмолился Лю И. — Давай сначала разберёмся: откуда вообще взялась эта пресловутая девица?

Видя его искреннее недоумение, госпожа Лю строго прищурилась:

— Хочешь сказать, всё, о чём ты лепетал перед свадьбой, было ложью, чтобы успокоить моё сердце?

Почуввав неладное, Лю И поспешно замахал руками:

— Нет-нет, что ты! И в мыслях не было врать!

— Ну то-то же, — сменила гнев на милость госпожа Лю и подвела итог: — Цинъюй во всём превосходит твою прежнюю зазнобу. И-эр, раз уж дело сделано и вы сыграли свадьбу, выкинь из головы былые глупости. Живи в мире и согласии со своим супругом — вот твой долг.

Лю И мысленно застонал: "О Небеса, за что мне это?!"

Всё это время молча сидевшая рядом Лю Юэ наконец, кажется, уловила суть разговора. Она возмущённо округлила глаза и уставилась на брата:

— Братец! Не думала я, что ты у нас такой ветреный!

Лю И оставалось лишь бессильно закрыть лицо руками.

<http://bllate.org/book/20072/2001752>